

дар

даниэль глаттауэр

дар

Москва
2016

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44
Г52

Daniel Glattauer

GESCHENKT

Copyright © Deuticke im Paul Zsolnay Verlag, Wien 2014

Перевод с немецкого *Татьяны Набатниковой*

Художественное оформление серии *Петра Петрова*

Глаттауэр, Даниэль.

Г52 Дар / Даниэль Глаттауэр ; [пер. с нем. Т. Набатниковой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Мировой бестселлер).

ISBN 978-5-699-89028-6

Герольд Плассек искренне считал себя неудачником: работа неинтересная, семьи нет, зато комплексов хоть отбавляй. Он бы и рад был что-нибудь изменить, но понимал бессмысленность этих попыток. И тут вмешался его величество случай. Бывшая возлюбленная огорошила Герольда известием, что у него есть четырнадцатилетний сын Мануэль и ему предстоит провести с мальчиком некоторое время — в конце концов, это его долг. С этого момента жизнь Герольда буквально перевернулась: Мануэль словно прианил для отца удачу.

Не обошлось и без детективной истории, в расследовании которой Мануэль оказал отцу неоценимую помощь.

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44

© Набатникова Т., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89028-6

Брауншвейгским чудом называют
серию анонимных денежных пожертвований
в пользу социальных и благотворительных учреждений,
а также отдельных людей,
несправедливо попавших в бедственное положение;
а началось все это в ноябре 2011 года.

Глава 1

МАНУЭЛЬ

Совсем не таким я представлял бы себе своего сына. Иногда я поднимал взгляд от монитора, делая вид, что размышляю. А на самом деле наблюдал за Мануэлем — именно тайком, когда он не знал, что за ним наблюдают; и он отнюдь не казался самостоятельным. Честно признаться, меня возмущало, что его зовут Мануэль, я считал это несправедливым по отношению к нему и ко мне. Почему не спросили меня? Я не допустил бы никакого Мануэля, я восстал бы против Мануэля — по крайней мере, против имени. А против Мануэля как человека... ну что тут скажешь, такова была моя свыше данная участь. Моя участь обычно была для меня слишком высокой планкой. Ладно бы она оставалась там, наверху, ну хоть когда-нибудь. Но ведь нет же, рано или поздно каждый из судьбоносных моментов моей жизни сваливался на меня и говорил: «А вот и я». В данном случае это произошло в виде моего четырнадцатилетнего сына.

Десятый день пребывания Мануэля со мной протекал буднично, как почти все понедельники в этом году. Вторники, впрочем, тоже. По средам я часто брал себе

свободный день, а уж остаток недели проходил как-то автоматически. Значение этого понедельника раскрылось мне лишь много позже. И тут я, несомненно, должен отдать дань моей сорокатрехлетней и заметно помутненной алкоголем памяти — за то, что она сумела задним числом собрать воедино так много картинок, да еще с живым звуком, по большей части связанных с моим сыном, который сидел у меня в кабинете и выполнял домашнее задание или просто делал вид, что выполняет.

— Ну как, ты справляешься? — спрашивал я.

— А почему я не должен справляться?

Может, все четырнадцатилетние подростки с пушком над верхней губой и регистром голоса где-то между расстроенной скрипкой и испорченным контрабасом были такие же противные, как этот, не знаю, но меня это изрядно раздражало.

— Я не хочу знать, почему ты не должен справляться, я хочу знать, справляешься ты или нет, — отвечал я.

— А кто тут говорил, что ты хочешь знать, почему я не должен справляться? — интересовался он.

Он спросил об этом потому, что знал: я наверняка не буду втягиваться в такую тупую дискуссию и наш диалог тем самым будет закончен. Ибо одной из проблем в моих еще совсем новых отношениях с сыном было то, что Мануэль терпеть меня не мог. Это объясняло и все те мутные, пустые и скучающие — на грани зевоты — взгляды, которыми он одаривал меня уже вторую неделю. Они лишь отражали то, что он видел: меня. Если бы он знал, что я его отец, он бы, может, и не полюбил меня, но был бы ко мне, пожалуй, милосерднее.

Однако он этого не знал. Да я и сам, признаться честно, узнал об этом лишь пару недель тому назад.

Дар

АЛИСА

В начале лета Алиса позвонила мне и высказала сожаление по поводу того, что у нас давно уже не было вообще никаких контактов. И не встретиться ли нам снова, ведь у нее накопилось так много новостей. Вообще-то, на Алису я больше не рассчитывал. Вот на Таню, на Бригитту, на Кати, ну разве еще на Коринну, а при случае даже на Соню — да, но никак не на Алису. Я бы никогда в жизни не подумал, что ее огорчает отсутствие между нами контакта — особенно после ее тогдашнего ухода, вот ведь как можно обманываться в людях, пусть и в женщинах, к этому у меня был просто природный дар.

— Да, конечно, давай встретимся, с удовольствием. Где? — спросил я.

— Лучше всего у меня, — сказала она.

«Лучше всего у меня». Эти слова оказывали на меня исключительно волшебное действие, и если кому из мужчин при этом удастся не думать в совершенно определенном направлении, да еще в начале лета, когда и без того чувствуешь себя необузданным, то сердечные им поздравления. Я лично на это неспособен. Чтобы как-то скоротать три дня до назначенной даты, я wygrеб старые фотографии с Алисой, с нашего уикенда в Гамбурге, и мне оставалось только надеяться, что она за это время набирала в год не больше полкилограмма веса. Семь с половиной дополнительных кило я мог бы как-нибудь пережить.

Впрочем, мы и провели-то вместе всего лишь тот единственный гамбургский уикенд. Потому что тогда я был еще женат на Гудрун, а Гудрун была уже месяцев семь как беременна Флорентиной, и это во время обратного полета из Гамбурга сделало Алису предметом моей печали, ведь всякий раз, когда мне боязно, я ста-

новлюсь уязвимым. А летать я очень боюсь. Не буду в претензии, если кто-то сейчас подумает, что я был — или даже по-прежнему остаюсь — большим мерзавцем, но ведь не всегда все так, как выглядит со стороны, даже если выглядит сильно похоже. Однако вернемся к встрече с Алисой.

Собственно, мне хватило пары секунд на ее пороге, чтобы понять, что напрасно я брился. Не стоило распинаться, изображая, как фантастически все еще можно выглядеть пятнадцать лет спустя и как благотворно сказывается на лице человека то, что он твердо шел своим путем. Поскольку в случае с Алисой это, к сожалению, вообще больше не играло для меня роли, потому что я больше не играл никакой роли для нее. Она получила медицинское образование и работала в организации типа «Врачи без границ», хотя границы-то как раз были, ведь они курировали проекты исключительно в Африке. И Алиса собиралась в Сомали, где ей предстояло начиная с сентября за полгода создать новый опорный пункт организации. И почему-то ей понадобилось срочно сообщить об этом не кому-нибудь, а мне, человеку, которого она тогда, после приключения в Гамбурге пятнадцать лет назад, послала к черту. Вот только я еще не знал почему.

— А ты, Гери, как? Что подделываешь? — спросила она.

Это было вдвойне обидно. «Гери» значило, что я в ее глазах все еще недостаточно созрел для Герольда. А «Что подделываешь?» звучало совершенно так, как будто она и мысли не допускала, что я способен что-то и делать. Так, разве что подделывать что-нибудь спустя рукава. Должно быть, это было по мне заметно.

— Я все еще журналист, но уже не в «Рундшау», а в более мелкой... э-э-э... бесплатной газете, которую тебе читать не доводилось. Я веду в ней социальный раздел.

— Социальный? Но это же прекрасно, — сказала она.

— Да, прекрасно.

— И где находится ваша редакция? — спросила она.

— В Нойштифтгассе.

— И у тебя там есть рабочее место?

Я и сам не нахожу свою жизнь такой уж захватывающе увлекательной, но все же думаю, что заслужил и несколько более заинтересованных расспросов на тему «Пятнадцать лет из жизни Герольда Плассека».

— Да, у меня есть небольшое рабочее пространство в виде кабинета.

И то, и другое было нещадно преувеличено — и «пространство», и «кабинет», правдивым было только «небольшое».

— Чудесно, — заключила она.

Потом она немного помялась. И в конце концов сказала мне о своем великолепном ребенке, которого вырастила совсем одна. Это был мальчик. Уже большой мальчик. Ему было четырнадцать лет. Он был образцовым школьником, ходил в гимназию, у него там было много, много, много — да что там — бесчисленное множество друзей, которые позаботились о том, чтобы он укоренился там настолько прочно, что сдвинуть его с места практически невозможно. Перспектива провести полгода в Сомали могла привидеться ему только в страшном сне. Он должен оставаться в Вене. Жить может у ее сестры Юлии, и обеспечен он будет всем, за исключением...

— У тебя четырнадцатилетний сын? — спросил я.

— Да, верно.

— А у меня пятнадцатилетняя дочь.

— Да, я знаю, я умею считать, — сказала она, а вернее, фыркнула — как Лесли, сиамская кошка моей бывшей жены, стоило только ее задеть.

Итак, ее мальчик был всем обеспечен, продолжала она почти уже с преувеличенной любезностью, за исключением вечеров, времени между школой и Юлией, так сказать. Поскольку ее сестра Юлия была тренером не то по фитнесу, не по танцам, не то по обоим видам сразу и во второй половине дня у нее дома всегда проходили музыкально-гимнастические занятия. И вот Алиса странным образом подумала обо мне, а конкретно — обо мне и моем кабинете.

— Мануэль мог бы выполнять у тебя свои домашние задания, — сказала она.

Мануэль? Нет, не мог бы. Из этого ничего не выйдет. Это невозможно. Шеф этого не допустит. А если бы и допустил, то я бы не дал ему этого допустить. Я и четырнадцатилетний мальчик по имени Мануэль, которого я не знал и знать не хотел, вдвоем в этой жалкой каморке — этого попросту не могло быть. Уже сама мысль о такой мысли была немыслима.

— У тебя наверняка наберется с полсотни друзей. Почему ты обращаешься с этим именно ко мне? — удивился я.

— Я подумала, что вы с Мануэлем, может быть, поладите.

— Я с чужим четырнадцатилетним подростком? Ты могла бы назвать мне хотя бы одну причину, по которой мы должны поладить?

— Одну-единственную?

— Да, всего одну, — повторил я.

— Потому что ты отец Мануэля.

— Скажи-ка еще раз.

— Потому что ТЫ отец Мануэля.

Это действительно была причина. Она вызвала у меня один из тех глубоких травматических кризисов, про которые говорят, что человек впадает при этом в шоковое состояние и в интересах самозащиты отстраняет факты, пока они в какой-то момент больше не

поддаются отстранению и просачиваются в мозговые клетки, отвечающие за реакцию на катастрофы. (Которые у меня, к счастью, пребывают в постоянной готовности.) Я просидел у Алисы несколько часов, потягивая из стакана коньяк, — выпито было полбутылки, но стакан был один, Алиса алкоголь не хотела.

Она сидела прямая, как свечка, на краешке дивана и подробно рассказывала мне, почему так было лучше, что она четырнадцать лет утаивала от меня существование сына. Но все ее объяснения можно было свести к короткой формуле: ни она, ни Мануэль не могли ничего ожидать от меня как от отца, вернее, ни в каком смысле не могли ожидать хотя бы чего-нибудь. Это одновременно привело меня в ярость и ввергло в печаль. В ярость оттого, что не стоило бы такое говорить о человеке, который к моменту рождения сына уже был отцом дочери. И в печаль оттого, что это, пожалуй, было правдой.

Но на сей раз они чего-то от меня ждали, и тут я просто не мог сказать «нет». Ведь это и нужно-то было на каких-то два-три часа в день, и продлиться должно было каких-то смешных двадцать недель. К тому же мне было интересно посмотреть на сына.

— А он знает, что я его отец? — спросил я.

— Еще нет.

— Поскольку мне было бы предпочтительнее...

— Да, я так и думала, — сказала она.

Она уже подготовила своего сына к «хорошему дружбу из старых времен».

— Очень хорошо, — согласился я.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ПОДАРОК

Итак, шел десятый рабочий день с Мануэлем в поле зрения, и мое любопытство к собственному сыну было уже утолено. Я не мог себе представить, что нам при-

дется терпеть тут друг друга еще дни, недели или даже месяцы, а когда я видел его лицо, я уж точно никак не мог себе представить, что он может представить это себе. Самое худшее было то, что он попросту не был готов взаимодействовать со мной достойным человека образом, какую бы тему я ни выбрал.

— «Битлз» или «Стоунз»? — спрашивал я, к примеру.

Ведь это был вопрос как раз для четырнадцатилетнего! Мне хватило бы одного-единственного слова — и я бы тотчас развернул перед ним альбом полuveковой истории поп-музыки.

— Что ты имеешь в виду под «Битлз» или «Стоунз»? — переспрашивал он.

— Какая музыка тебе больше нравится — «Битлз» или «Роллинг Стоунз»?

Уже за одну эту развернутую версию, которая звучала так, будто ты пытался объяснить шутку больному Альцгеймером, я презирал себя.

— Я должен на это отвечать? — продолжал он унижать меня.

— Нет, ты не обязан отвечать, но мне было бы просто интересно, — говорил я.

— Ну хорошо, мне не особенно нравится ни то ни другое.

— А какая музыка нравится тебе особенно? — наседал я.

— Это смотря когда и как, — обнадежил он.

— И от чего же это зависит? — спросил я.

— Это зависит от того, какую музыку играют.

— Да, в принципе это всегда важно, — отвечал я.

На этом тема исчерпывалась. И я клялся себе больше ни единым словом не обращаться к Мануэлю. А если он и впредь будет меня презирать, я его герметично упакую и отправлю авиапочтой к его маме в Сомали.

Но тут случилось нечто необыкновенное, что надолго сделало этот день таким особенным: Норберт Кунц, мой шеф, вызвал меня к себе в кабинет. Речь шла об одной моей заметке в четверговом выпуске «День за днем». На этом месте я должен сделать небольшое отступление, чтобы оправдать свое существование и объяснить круг моих обязанностей в бесплатной газете «День за днем», издаваемой концерном оптовой торговли PLUS.

После того как я соскочил с «Рундшау» — о'кей, то было скорее падение, чем соскок, — Норберт Кунц взял меня в «День за днем». Он всегда высоко оценивал мою журналистскую работу, а кроме того, его отец и папа моей бывшей жены Гудрун были близкими друзьями и даже вместе играли в гольф. Ведь недаром говорят, что кровь плотнее воды, но и она не так сплачивает, как гольф.

Больше всего мне хотелось бы работать в отделе культуры, но, во-первых, такого отдела не было, потому что «День за днем» — совершенно бескультурная газета для совершенно бескультурной публики, а во-вторых, привередничать мне не приходилось. Меня поставили на «Пестрые сообщения дня», и еще я вел колонку читательских писем. Если вы зададитесь вопросом, а чего там вести в читательских письмах, то вам следует присмотреться, на что способны читатели «Дня за днем». И, наконец, третьей областью моих задач был раздел «Социальное». Его-то я всегда и называл, когда кто-нибудь спрашивал меня, чего я поделываю и о чем пишу. Это, конечно, звучало «социальнее», а главное — весомее, чем было на самом деле. Поскольку, если не считать подводного землетрясения и цунами с десятком тысяч жертв — среди которых, на минуточку, было как минимум пятеро австрийцев, — для «Дня за днем» никакое бедствие не было достаточно бедственным для